

Грав Жан.

Публицистика

- Синдикализм в общественном развитии
- Фетишизм вокруг закона

Синдикализм в общественном развитии

1908, источник: [здесь](#). Брошюра впервые опубликована на французском языке в 1908 году. Русский перевод вышел в издательстве «Голос труда» в 1920 году.

Когда около 1879 года во Франции начало формироваться движение, сторонники которого приняли название анархистов, оно сначала старалось держаться в стороне от синдикалистского движения, потому что это последнее было слишком политическим и слишком реформистским движением.

И это имело свой смысл, потому что, будучи слишком малочисленными, анархисты потонули бы, растворившись бы в этой массе. И их идеи, которые тогда были более настроениями, чем определенными понятиями, никогда не достигли бы нужной точности.

Это отделение от синдикализма имело свою хорошую сторону: освободившись от всяких соседних явлений, анархисты могли выработать себе ясное представление о том, чего они желали. Оно имело и другую сторону: рабочее движение попало совершенно в зависимость от политиков.

Но, если анархисты таким образом держались в стороне от синдикалистского движения, указывая его ошибки, нападая на его преклонение перед политическими партиями, то им никогда не приходило в голову нападать на него, как на рабочее движение. И каждый раз, когда начиналась энергичная стачка, анархисты принимали в ней деятельное участие.

Нужно было все тупоумие некоторых болтунов, которые считали себя анархистами потому, что они могли более или менее плохо цитировать наизусть некоторые фразы из Ницше или Штирнера, - чтобы оспаривать у рабочих полезность их соединения в синдикаты для борьбы против произвола их эксплуататоров.

С своей стороны политиканы претендовали на управление рабочим движением. По их мнению рабочие союзы должны были ограничить свою роль тем, что они лишь выставляют известные требования и передают их на рассмотрение депутатов, которые уже берут на себя представление их в Парламенте и переработку в законы.

Рабочие же в качестве умных и послушных детей, чтобы не помешать работе Парламента, должны уважать законы, спокойно вести себя, не волноваться, даже когда их

эксплуататоры желают отнять у них кусок изо рта, и терпеливо ожидать заступничества депутата, который только один и имеет право говорить от их имени. И в обмен на эти благодеяния Парламента рабочие должны сберегать все свои силы для избирательной борьбы и делать взносы для пополнения касс избирательных комитетов.

Но с тех пор, как развитие анархических идей захватило рабочее движение, оно стало все более и более вырываться из-под влияния политиканов.

Еще не будучи анархическим, синдикализм увидел, что его требования не должны ограничиваться защитой заработной платы, а должны вести к уничтожению самого принципа наемного труда; что нелепо ожидать от Парламента того, что должно быть вырвано прямо у эксплуататора, и так как законность создана для защиты существующего, то, следовательно, необходимо выйти из пределов законности, если желательно получить на самом деле чего-нибудь существенное.

Однако в настоящее время синдикализм стоит как сила между политиканами, от которых он стремится совершенно освободиться, и анархизмом, которому он не доверяет, при всей своей ненависти к рабству, из которого он еще не вполне вышел.

Преувеличения и крайности некоторых болтунов не рассеяли, а, наоборот, лишь усилили недоразумения.

Требовалась поистине большая доза самомнения, нужно было, чтобы эти болтуны создали себе ницшеанское представление о своем Я, чтобы вообразить, что они поведут за собой презируемую ими толпу, к революции, или чтобы думать, что эта революция может быть делом кучки интеллигентов... или воображающих себя интеллигентами.

Вообще, эти «сверхчеловеки» на маленьких ножках говорят в данном случае глупость – или, надо признать, что личность задыхается при современных общественных условиях, что ее способности останавливаются в своем развитии, что ее лучшие свойства подавляются раньше, чем они могут проявиться, потому что современная экономическая организация жертвует счастьем и развитием большинства ради привилегированного меньшинства, и что для того, чтобы изменить эту дурную организацию и не подвергаться случайностям рождения и событий, которые бросают нас в стадо рабов; что, следовательно, наше собственное освобождение не может произойти раньше, чем сумеет освободиться весь народ.

Или же народ нам чужд, и нам нет до него дела, и если мы страдаем от того, что находимся среди эксплуатируемых, то нам совершенно все равно, находятся ли другие в таком положении; и мы заботимся только о том, чтобы нам было хорошо, так как мы знаем, что стадо баранов нужно стричь. В таком случае бесполезно требовать социальной революции, если только она не означает, как для политиканов, простой формулы, которой они пользуются для того только чтобы забавлять тех, из кого они надеются извлечь для себя

выгоду, ибо буржуазное общество построено достаточно хорошо и удобно для того, чтобы те, кто умеет пользоваться своими кулаками и локтями, могли получить себе в нем тепленькое местечко.

Рабочий синдикат есть союз для борьбы, который диктуется рабочим всей обстановкой современной социальной жизни.

Те, кто придавлены экономически, интеллектуально и морально, имеют предъявить требования каждый день, каждый час, каждую минуту.

Так как они постоянно умирают с голоду, то им не может быть безразлично, добьются ли они какой-нибудь, хотя бы самой ничтожной уступки, или сумеют ли они помешать хотя бы на тысячную долю притеснениям, которым они подвергаются.

Если верно, что только полное уничтожение эксплуатации может освободить их, то они не могут в надежде на эту революцию, которая совершится неизвестно когда, оставить каждодневную борьбу, потому что это только побудило бы их эксплуататоров усилить еще больше свою эксплуатацию.

В ожидании будущей отмены наемного труда и уничтожения капиталистической эксплуатации, они все же должны бороться против всякого уменьшения заработной платы или даже должны сами начинать борьбу, чтобы увеличить заработную плату, когда рост общественных налогов делает им жизнь невозможной, или когда более ясное понимание своих прав побудит их потребовать большую долю из продуктов их работы.

И невольно эта будничная повседневная борьба ради немедленного или кажущегося улучшения всегда будет брать верх над борьбой за цели более отдаленные, более неизвестные и менее определенные. Один час работы в мастерской или на фабрике меньше, плата на сорок су в конце каждой недели больше, и т. д. – это будет всегда казаться легче получить, и гораздо скорее осуществить (часто это так и есть), чем добиться уничтожения эксплуататоров и осуществления всеобщего счастья и освобождения рабочих.

Как бы интенсивна ни была революционная пропаганда, рабочие в обыкновенное время скорее будут объединяться для ближайших целей, которых легко достигнуть. И если бы мы не желали даже обращать внимания на эту сторону, то действительность скоро привела бы нас к ней. Только в процессе самой борьбы и благодаря пропаганде, которую можно будет развить потом, рабочие научатся понимать бессмысленность частичных реформ.

Также ошибочно утверждать, как это делают революционные синдикалисты, как в это верят многие анархисты, и как учит нас новая социалистическая школа, которая только что открыла синдикализм, что именно рабочие синдикаты организуют революцию, что они призваны организовать производство в будущем обществе, что они представляют для нас революционную ячейку будущих группировок.

Мне скажут, что нелепо предсказывать, каково будет не только общество завтрашнего дня, но даже какова будет сама революция, из которой оно выйдет. Мы не знаем, что будет из себя представлять будущее общество, и мы не можем предвидеть, какова будет революция, которая теперь назревает. В общественной деятельности различные течения и контр-течения слишком многочисленны, слишком запутаны, слишком сложны, чтобы можно было сделать хотя бы приблизительные выводы, - потому что в действительности всегда происходит самое неожиданное.

Это совершенно верно.

Однако мы знаем несколько данных, которые могут помочь нам разобраться и ориентироваться относительно будущего: 1) что мы страдаем от существующего строя, 2) что он не переменится, пока мы сами не начнем работать, чтобы изменить его, 3) что, не желая даже предсказывать будущее, потому что оно зависит от развития миллионов людей и от массы событий, которыми мы не можем управлять, мы должны все-таки стараться выработать себе ясное представление о том, какова должна быть общая система, чтобы стараться осуществить ее так, чтобы все шло лучше, чем то, что существует теперь.

И, хорошо зная, что события не идут вполне так, как мы этого хотим, мы все же должны действовать так, как если бы мы были уверены, что можем управлять событиями, потому что вообще будущее является итогом всех выработанных и пущенных в оборот идей, мыслей, понятий и результатом деятельности и инициативы всех людей. Чем больше объединится людей, решивших действовать в одном направлении, тем больше воодушевляющая их идея имеет шансы на успех.

Не спорим, - все это лишь практические соображения. Но точной общественной науки нет и не существует. Буржуазные экономисты бесстыдно лгут и подтасовывают факты, когда делают вид, что излагают науку - экономику. Их так называемые экономические законы не выдерживают ни одной минуты настоящей добросовестной критики.

Но возвратимся к рабочим синдикатам.

Требования рабочих составляют главную основу надвигающейся революции; поэтому было бы нелепо воображать, что можно сделать революцию без помощи рабочей массы. Но рабочие синдикаты принуждены ежедневно бороться против эксплуататоров, и благодаря этому, даже когда в их программе значится отмена наемного труда и экспроприации тех, кто завладели землей и средствами производства, это всегда остается отдаленным, далеким, так как вся деятельность синдикатов поглощена ежедневной борьбой и конфликтами, возникающими каждый момент между рабочими и работодателями; синдикаты должны разрешать эти конфликты, чтобы удовлетворить тех, кто группируется вокруг синдикалистской организации, не требуя от нее ничего, кроме того, что может быть осуществимо немедленно. Заставить членов этих организаций понять, что их освобождение может быть произведено только ими самими и не раньше, чем они избавятся от

эксплуатации, - это есть уже дело анархистов, проникающих в рабочие синдикаты, это должно быть также делом тех синдикалистов, которые достигли известной высоты умственного развития и широты взглядов.

Но борьба каждого дня, которая неизбежна, и которая имеет свой смысл, имеет также свою полезную сторону, потому что она приучает рабочих увеличивать свои требования, показывая им, что постепенное прогрессивное увеличение заработной платы есть бесконечная цепь, которая может разворачиваться бесконечно,, всегда оставляя рабочих на положении несчастных и эксплуатируемых. Однако, хотя эта борьба дает им сознание своей силы, она, кроме того, имеет ту неудобную сторону, что заставляет их ставить выше всего требования момента, отодвигая более отдаленные цели на задний план. Это – плоскость, по которой легко скатиться вниз. Вот, почему опасно видеть в синдикализме единственное революционное средство борьбы.

Общественная жизнь гораздо сложнее и организована не только по корпорациям. Вне производства мы видим различные способы и виды деятельности, и каждый человек требует себе полного и цельного удовлетворения своих потребностей. Чтобы социальная революция сохранила свою широту и выполнила свою задачу, нужно, чтобы все, что придавлено тысячами из современного законодательства и регламентации, чтобы все это сгруппировалось и объединилось для выработки организации, соответствующей их требованиям, и работало над осуществлением своих идеалов, приложение которых в жизни должно повлечь за собой уничтожение современных стеснительных учреждений.

Настоящее общество кишит всякими злоупотреблениями; нужно, чтобы против всякого злоупотребления те, которые более от него страдают, восставали и группировались, чтобы бороться против него и добиваться его уничтожения.

Точно так же, как теперь образуются естественные добровольные группы людей для организации совместных прогулок, для игры на музыкальных инструментах или для спортивных развлечений, точно так же нужно сорганизоваться против каждого политического, административного или финансового злоупотребления.

Нужны не только такие боевые союзы, но и пробные группировки между людьми одинакового направления мысли на основах будущей жизни, чтобы вносить радость, счастье и солидарность. Люди слишком рассчитывают на фатальную неизбежность революции, забывая, что она является только для разрушения и уничтожения того, что загромождает сейчас землю, и что после того, как естественные формы жизни будут уничтожены, начнут развиваться только те виды группировок, которые уже раньше были испробованы на деле.

Новый строй не выдумывается сразу даже после революции. Он будет лишь развитием, расцветом уже зародившихся мыслей и идей, уже появлявшейся инициативы.

И только когда все люди с инициативой сумеют объединиться, и все виды деятельности добьются своего права проявлять себя, революция найдет свою форму и не остановится на частичных переменах и реформах.

Однако было бы абсурдно ждать революции, чтобы организовать будущее общество. Уже теперь нужно искать новые формы группировок.

Так, если в современной экономической организации люди производят не для потребления, а для торговли, спекуляции и получения прибылей, не заботясь об истинных потребностях и вкусах потребителя, то этого не должно быть в нормальном обществе.

Общественная организация не должна строиться для «производства», но, для «потребления». Производство не есть цель, а лишь следствие.

Именно потребности должны определять группировки людей. Если мне нужна мебель, домашняя утварь, то я не должен идти в магазин, чтобы получить их там в готовом виде. Я должен был бы узнать о тех, кто нуждается в этих предметах, сговориться с ними, условиться и войти с ними в организацию, чтобы производить эти предметы не в большем числе, по тому же плану и одинакового вида, а каждый предмет в отдельности для каждого человека в таком виде, какой мы придумаем каждый для себя.

Здесь я предвижу возникающее возражение: «если нужно, чтобы каждый вернулся к тому, чтобы делать для себя все необходимое, то это есть шаг назад. Невозможно, чтобы один человек мог знать все ремесла. Не только вся его жизнь будет хуже, чем в современном обществе, и будет состоять в том, что он будет работать и производить все время, не имея ни одной минуты отдыха, но это практически невозможно в виду многочисленности и разнообразия ремесел и специальностей, порождаемых потребностями человека».

В настоящее время, когда большая часть наличных сил отвлечена от настоящего производства, и когда лишь очень небольшое число работников производят на самом деле блага для всех, приходится выжимать из каждого все, что он способен дать, как производительная сила; а это ведет к специализации и бесконечному подразделению ремесел и профессий, в результате чего каждый человек в течение всей своей жизни должен проделывать одни и те же механические движения для того, чтобы вечно производить один и тот же предмет, или даже часть предмета.

Но человек не должен быть машиной в производстве. Чтобы быть существом здоровым, совершенным и равномерно развитым, он должен наоборот упражнять и свой мозг, и каждый из своих мускулов, и разнообразить движения. Когда человек умеет вполне пользоваться инструментом, или орудием, он может переходить от одного ремесла к

другому, если он не обязан выжимать из себя во что бы то ни стало максимум усилий.

Я должен быть в состоянии разнообразить свои занятия по своему желанию сообразно с моими потребностями: сегодня ковать железо, завтра обтесывать доски или класть штукатурку, если у меня есть склонность к этим различным ремеслам.

Важно не столько уменьшать до бесконечности часы работы, сколько достигнуть того, чтобы посредством лучшего распределения сил, труд стал удовольствием, развлечением, приятным занятием, и в то же время полезным упражнением».

В современном обществе, где ручной труд считается в большинстве случаев унижительным, наши паразиты принуждены все-таки хотя бы для поддержания своего здоровья изобретать для себя физические упражнения или же тратить свои силы непроизводительным образом.

В нормальном обществе люди будут использовать свои силы более разумным способом. Каждый человек будет употреблять свои силы (его темперамент требует, чтобы он их употреблял) на продуктивный труд, не считая себя тем униженным. Лишь бы только человек мог развивать все свои способности, тогда он не станет считаться с временем, которое он на это потратит.

Очевидно, что это разбрасывание в индивидуальной деятельности должно иметь один предел: силы самого человека и его способности.

Если есть такого рода специальности, к которым данного человека влечет, то есть другие, к которым он равнодушен или даже чувствует антипатию. Но, так как люди будут заниматься различными работами, то они для этого будут входить в различные группы. А так как каждая группа будет состоять из людей, обладающих различными способностями, и входящих в состав других групп, то отношения могут таким образом разнообразиться до бесконечности, и дадут возможность каждому человеку получить то, в чем он нуждается, не принимая участия в производстве в целом.

Чтобы пояснить мою мысль подробнее, нужно было бы привести пример, но здесь этому не место, и, кроме того, это могло бы быть лишь набросано в общих чертах. Такая организация не родится сразу, и может появиться лишь после долгого развития в процессе этих группировок и в мышлении людей. Именно в каждой из этих групп, которые борются на практике со всеми трудностями, выработается тот способ действия, который нужно найти, если желают избежать опасностей профессиональной монополии и конкуренции между профессиями, а также сохранить личную свободу.

В этой организации, которая кажется мне единственно рациональной и единственно способной дать человеку полную свободу действия, мы видим, что рабочий синдикат совершенно исчезает.

Как организация борьбы и воспитания для борьбы, рабочий синдикат должен исчезнуть, чтобы уступить место группировкам более сложным и менее узким, которые дадут возможность развиваться более разнообразным человеческим способностям, так как им не придется более вести борьбу, а выполнять их функции в социальной гармонии.

Что бы ускорить социальную революцию, нужно, чтобы каждый прилагал свои силы к тому делу, которое ему более по душе. Именно, если мы атакуем нынешнее общество сразу со всех сторон, оно рухнет тем скорее.

Но, вследствие слабости, свойственной человеческому несовершенству, каждый склонен верить, что именно тот способ действия, который ему нравится, и является единственно правильным, и каждый энтузиаст спешит построить свою систему, вне которой, по его мнению, нет спасения.

Кроме того, как заманчиво стать лидером школы!

Подобных примеров мы знаем очень много.

Я не буду говорить о тех парламентаристах, которые имеют особые основания желать все подчинить политике, - в этом мире благодаря ссорам спорам между лидерами направления все мельчает, делится и подразделяется между собой до бесконечности каждый момент.

Вспомним только об Интернационале. Мы знаем, что слово «коллективизм» было придумано товарищами из Интернационала только затем, чтобы заменить слово «коммунизм», которое они считали слишком затасканным различными государственными системами.

Теперь же коллективизм есть доктрина, которая имеет общее с современным коммунизмом именно в его узости и склонности к государству, от которого желали тогда избавиться.

Наши товарищи из Интернационала думали, что они только придумали слово; а после них явились другие, которые сделали из него целую систему.

Когда были изданы первые законы против анархистов, то несколько литераторов, замешанных в движении, изобрели слово «вольномыслящий» (libertaire), думая таким образом обойти новые законы. И с тех пор это слово употребляется рядом со словом анархист. До сих пор не придумали никакого нового содержания, никакой новой теории. Однако для многих людей оно означает что-то иное, чем анархист. В нем есть свой оттенок, и оно еще ждет своего пророка.

То же самое происходит в каждой деятельности.

Очевидно, что, когда люди желают привлечь себе сторонников и последователей в данной работе, которую они ведут, то они стараются подчеркивать ее хорошие стороны, и затушевывать плохие. В силу этого, расхваливая ее, таким образом, и убеждая других

людей принять ее, они кончают тем, что сами начинают увлекаться своими словами, и поддаются иллюзии.

Так, вследствие свирепых преследований анархистов в эпоху, о которой я говорил выше, открытая, чисто анархическая пропаганда, приостановилась более чем на год, так как достаточно было назваться анархистом, чтобы немедленно попасть в каменный мешок. Тогда деятельность анархистов поневоле направилась на рабочие синдикаты. И их пропаганда несомненно принесла там свои плоды, так как синдикаты, которые до сих пор в большинстве случаев были лишь изолированными слабым объединениями, находившимися в руках политиканов, анархисты сумели вдохнуть новую жизнь и сделать их силой, с которой политический мир должен теперь считаться: анархисты вырвали их из мертвой хватки политиканов. За то с другой стороны получилось то, что многих анархистов, которые отдались этому делу, оно захватило настолько, что они перестали совсем интересоваться чисто анархической пропагандой, а многие даже были недалеко от того, чтобы смотреть с враждой на тех анархических деятелей, которые напоминали им, что синдикализм есть лишь одна из сторон этого вопроса.

Таким образом, получилось взаимодействие.

Если анархисты подвинули вперед синдикализм, то синдикализм заставил анархистов пойти назад.

Под влиянием процесса Дрейфуса явился всеобщий интерес к «народному образованию». Все желали служить делу образования рабочих. Началось создание «народных университетов». Это привлекло к себе некоторых анархистов, которые также были всецело поглощены этим течением.

Вспомним также, что происходило с «неомальтузианством». В начале вопрос шел лишь о праве каждого иметь столько детей, сколько он хочет, - женщина свободна отказаться от повторного материнства, или даже вообще от материнства. Все это сопровождалось различными рассуждениями физического и морального характера, из которых некоторые были вполне основательные, другие спорны. Иметь детей лишь тогда, когда человек убежден, что он сможет воспитать их по-настоящему, оставлять потомство лишь тогда, когда убежден, что родятся здоровые дети: свобода для женщины и тому подобные рассуждения - все это прекрасно, против этого нечего возразить, но это дело личной нравственности каждого человека.

Однако страстные сторонники нового течения не могли этим удовлетвориться. Из возможного и необязательного воздержания от рождения детей, сделалось обязательной общественной догмой, средством от всех зол, порождаемых обществом. Оно сделалось самой реакционной доктриной, которую я знаю.

Существует также антимилитаризм, который вначале анархической пропаганды был вместе с антипарламентаризмом одним из главных пунктов анархической работы, и который теперь так же вырождается в особое течение и стремится «самодовлеть». Сейчас уже мы видим, что оно уже начинает подразделяться, и образуется особая разновидность его, под

названием «эвризма»! Правда, пока еще у него нет своей формулы. Терпение! Со временем найдется кто-нибудь, кто сделает из него целое учение, и станет его лидером!

И нельзя сказать, что антимилитаризм не может дать случая проделать некоторую карьеру людям, специально отдавшимся этому делу. Они могут помогать тем, кто бежал из казарм, помочь им устроиться в изгнании, найти средства и дать им возможность стать на ноги, чтобы недостаток работы и денег не заставили их вернуться назад и подчиниться. Антимилитаристские группы сейчас отдают много внимания изучению языка эсперанто, который, конечно, может быть полезен, но совершенно недостаточен для разрешения проблем выдвигаемых теперешним моментом.

Это не является недостатком того или иного определенного учения. Большинство людей не могут составить себе философского представления о вещах, и поэтому, раз они ставят себе какую-либо цель в своей работе, они ничего другого, кроме этой цели, не видят. Поэтому и синдикализм стремится также сделаться доктриной, самодовлеющей догмой, как это было заявлено на Амьенском Конгрессе.

В этом именно лежит опасность. Принужденный вести ежедневную борьбу, синдикализм придет, как я сейчас показал, к тому, что будет готов пожертвовать будущим, ради настоящего. А мы уже знаем, что всякое улучшение, которое оставляет существовать эксплуатацию, есть иллюзорное, воображаемое улучшение, что рабочий, как и все члены общества, не будет действительно свободен, и не найдет удовлетворения всем своим нуждам, пока он не уничтожит, не разрушит совершенно до основания капиталистическую организацию.

В синдикализме же мы видим обратное, - необходимость каждый раз смягчать известные широкие требования, чтобы не помешать осуществлению менее радикальных требований, боязнь напугать радикализмом людей, которых приходится тащить за собой на буксире, все это является постоянным препятствием к тому, чтобы образовалось широкое представление о социальном движении среди деятелей синдикализма, если только он не подвергнется влиянию извне.

Это и есть работа для анархической пропаганды, которая должна воодушевлять и охватывать всех работников, и которая при первом взгляде кажется работой отвлеченных теоретиков, «работой для 2000-го года», как это заявляют те из анархистов, которые почему-либо желают уйти из рядов партии, но на самом деле эта работы стремится к тому, чтобы общественный прогресс не останавливался в застое, чтобы требования обездоленных были более сознательны и более точны, и чтобы движение не застывало на формулах, которые могут быть сегодня хороши, а завтра уже являются пройденным этапом, и препятствием к дальнейшему развитию.

Это может случиться с синдикализмом, если он выродится в отвлеченную теорию. Как всякая теория, которая считает себя средством разрешения всех зол, синдикализм пожелает пережить себя, закрепиться, и станет препятствием к общественному прогрессу. Пусть анархисты помогут синдикализму завершить ту работу, которая лежит на нем, - а она очень важна, - но пусть они не забывают своих собственных задач, которые еще важнее.

Фетишизм вокруг закона

1895, источник: [здесь](#), газета *Les Temps nouveaux*.

Под этим названием газета "Фигаро" от 28 мая опубликовала статью, стремящуюся продемонстрировать, что существуют «справедливые законы»! и «несправедливые законы». Это сделано для того, чтобы оправдать отношение духовенства, которое расстраивается, когда, поддразнивая или играя с общественным мнением, кто-то притворяется, что хочет заставить их присоединиться к стаду праведников.

Перечислив законы Кальвина и Робеспьера, которые, по их мнению, более несправедливы, чем другие, наш коллега заканчивает так:

“... личная совесть создана именно для того, чтобы проводить различие между мудрыми законами и несправедливыми законами. Это можно увидеть, не прибегая к бунту, и таким образом легально ускорить время до того момента, когда несправедливые законы падут под давлением общественного мнения

...Любопытно было бы найти у нашего коллеги в коллекции статьи, напечатанные тогда, когда шла охота на анархистов, и, после этого, дать ему вспомнить те призывы, которые он делал насчёт репрессий, исполненных с санкции закона, а также показать ему статьи с его речами о необходимости исполнять законы и применять их "твёрдо" к тем, от кого надо было избавиться. Мы, без сомнения, стали бы свидетелями, при определённых условиях, нескольких любопытных фактов, которые свидетельствовали бы о том, что в «Фигаро» расходятся мнения о законах, притом, в зависимости от того, причиняют ли они неудобства их друзьям или нет...

...Но мы не будем заниматься этим делом, слишком легким, для наших коллег. Разве не в природе самых истеричных законников кричать, как скунсы, если закон задевает их интересы, или не находить никогда его достаточно жестоким, когда речь идет об притеснении их же врагов?...

И это объясняется тем фактом, что законы - самая произвольная вещь в мире. Они обобщают дух момента, устремления партии, среднее мнение нации, но, будучи созданными людьми, они участвуют в их страстях, их недостатках, их качествах, если те, кто их создал, были искренними; они вполне могут удовлетворить тех, кто разделяет взгляды их создавших, но они оскорбляют гораздо сильнее.

Чтобы он получил единодушное одобрение, этот закон должен был бы быть абсолютно идеальным, что невозможно. Но тогда его не нужно было бы кодифицировать, его санкция была бы в самой его справедливости; мы только принимаем законы, которым сопротивляется значительная часть населения. Самые "мудрые" законы всегда найдут своих противников – даже среди тех, кто видит в Кодексе оплот безопасности, защищающий их жадность и праздность от притязаний их крепостных. С другой стороны, и самые несправедливые законы найдут защитников, потому что они были приняты только для защиты этих привилегий, для недопущения протестов.

Те, кто издает законы или отвечает за их применение, могут не допускать их обсуждения. Основанный на произволе, закон подобен вере, дискуссия - его гибель, и «Фигаро», что бы она ни говорила, выполняет работу революционера, желая подчинить закон контролю личной совести.

Анархисты давно установили, что закон – это выражение воли сильнейшего, это только инструмент в руках тех, кто обладает властью, инструмент, благодаря которому они могут узаконить в глазах глупцов отклонения от их наглости или другие меры предосторожности, которые они принимают, чтобы защитить свои привилегии, привилегии своих сутенеров и сторонников. Это то, что косвенно признается в заметке в "Фигаро".

Недавно одна газета подсчитала количество действующих законов. Их количество составляет, насколько я помню, более двухсот тысяч! Там есть законы от всех законодателей, которые когда-то управляли нами: от Конвента, от Охвостья[1], от Палаты пэров, от Наполеоновской Империи и королевской власти Луи-Филиппа, а также от Людовика IX и Франциска I.

Каждая партия, прежде чем прийти к власти, выступала против законов, которые ее угнетали. «Эти законы были несправедливы! противоправны, необоснованны!» и т.д. Придя же к власти, они пользуются этими же законами против тех, кто до них их применял. Перспектива эта менялась с изменением ситуации.

Не удовлетворяясь использованием существующих законов, каждая держава взяла на себя обязательство всё время увеличивать их арсенал. Кто-нибудь помнит обличительные речи республиканцев против закона всеобщей безопасности империи[2]? Эти державники нашли способ преодолеть это, проголосовав за законы, которые некоторые называли "негодяйскими" - что было просто болтовнёй - и которые сделали доносы, даже внутри семьи, обязательными под страхом тюремного заключения!

Конечно, силы не всегда будет достаточно для обеспечения соблюдения закона. История дает нам множество примеров, когда властям было достаточно захотеть применить законы, которые были более отвратительными, если не более абсурдными, чем другие, чтобы возбудить общественное мнение и способствовать свержению власти, которая их приняла. Помощь, которую сила приносит закону, может быть только временной, как и все, что опирается на силу; последнее имеет лишь относительную ценность, и если иногда, почти всегда до сих пор, оно на стороне угнетателей, то также периодически случается, что угнетенные находят его на своей стороне, когда они вновь осознают свое достоинство и свои права.

Кроме того, чтобы закон был принят, в дополнение к грубой силе, необходимо было придать ему определенную моральную силу, которая бы позволила его принять большинству, как социальную необходимость, иногда неудобную, но полезную для общего благополучия, и мастерство правителей состояло в том, чтобы представить его таким образом. Это объясняет весь театральный аппарат, которым он был обернут в прошлом, всю эту постановку, весь этот маскарад, столь нелепый сегодня для тех, кто размышляет, но который власть имущие хотят сохранить, потому что постановка всегда обладает даром производить впечатление на дураков и влиять на них.

В прошлом власть утверждала, что она от Бога! Обладатели власти были на земле представителями божественного величия, и их волю нужно было уважать так же, как и указы провидения. Поскольку Бог непогрешим, его посланники разделяли его всеведение и всемогущество. Подвергать сомнению их приказы было святотатством; поэтому во времена всеобщей религиозности власть уважали так же сильно, как и боялись, притом даже без низких поступков, совершаемой ею, которые, казалось, должны были бы подрывать её авторитет.

Но человеческая эволюция завершила, медленно, бесчувственно, но верно свою критическую работу. Божественность была поставлена под сомнение, и, как следствие, легитимность власти, как божественной сущности, подверглась критике. Результатом стало падение королевской власти божественного права, приход к власти класса буржуазии.

Она, придя к власти, создала, чтобы самой закрепиться, новую теорию авторитета. Сверхъестественная сущность-Бог, утратила свой вес, вместо неё была создана сущность-нация, которая впоследствии была преобразована в сущность-общество. Закон был уже не божественной волей, а народной волей. Чтобы придать грубой силе, которой она только что овладела, моральную силу, без которой ничто формальное долго не держится, буржуазия начала ссылаться на волю общества для принуждения воли индивидуальной.

Королевский парламент, который всегда стремился расширить свои полномочия, посягая на полномочия королевской власти, был отличной, готовой машиной для того, чтобы стать священником новой религии. Он был очищен, он стал более тесно связан с государством;

его независимость была урезана. Оплаченный государством, завербованный государством, он был полностью поработан, но, к его чести, необходимо было сохранить видимость и придать ему подобие свободы: чиновники были объявлены несменяемыми! Только по тому, что продвижение по службе всегда зависит от господина, можно судить, чего может стоить эта псевдосвобода.

До тех пор, пока люди верили в справедливость закона большинства, в то, что социальные потребности важнее индивидуальных, законы, которые буржуазия использовала или издавала в своих интересах, были терпимы для масс. Если возникал ропот о том, что он слишком сильно давит на личность, его оправдывали, ссылаясь на общие интересы, и "Народная воля" выгодно заменила "Божественную волю" в качестве средства управления.

Судейство стало грозной властью; именно она взяла на себя преемственность власти божественного права, которая была обезглавлена на площади Революции; она распоряжалась жизнью и свободой граждан по своему усмотрению, отчитываясь за это только перед собой. «Письма с печатью об аресте» старого режима были выгодно заменены «ордером на арест». с той разницей, что эти письма, как правило, применялись только против влиятельных людей, а «ордер на арест» выдавался только против черни, и что, чем менее влиятельными они были, тем сильнее страдали от его последствий. Последний из судей и законописателей стал равным старым властителям, его подписи, прикрепленные к нижней части документа, достаточно, чтобы заточить в камеру того, кто ему не понравится, на срок, который ему просто захочется.

Революция 1789-го года сместила власть, но была в этом осторожна, стараясь не повредить ей. Те, кто был в середине пирамиды власти, стали вершиной, но те, кто был внизу, остались там же, и машина продолжала давить их, не давая им возможности увидеть какие-либо изменения, кроме формы правления и состава правителей.

Было бы преувеличением сказать, что никаких изменений не произошло. Вместо того чтобы ссылаться на «королевскую волю» и его божественность, говорили: «от имени народа». Чтобы покарать, склонить к повиновению, больше не заставляли преклонять колени перед королем, перед священником, перед господом, материальными существом, они были повержены перед сущностями: «Национальный суверенитет»! «Закон»! Людей заставляют верить, что их благополучие, их безопасность, хороший общественный порядок зависят от отречения от всего, от стирания индивидуальности перед общей волей! или около того, - и невежественные люди склонились перед своими новыми хозяевами, как они делали это перед старыми.

Но, стремясь подорвать божественное происхождение власти, буржуазия нанесла ей смертельный удар. С того дня, как это начало обсуждаться, послушание было скорее кажущимся, чем реальным, уважение к авторитету было подорвано в его жизненно важных частях. Пересоздание этого принципа, сделанное буржуазией из того, что от него осталось, долгое время никого не могло убедить подчиняться.

Физика учит, что падение тел ускоряется по мере приближения к поверхности Земли, причем скорость увеличивается сама по себе. То же самое относится и к прогрессу человеческой эволюции. Чем больше точек соприкосновения внутренних способностей мозга с внешним миром, тем больше он способен приобретать новые, и тем быстрее идёт усваивание их. Потребовались тысячи лет, чтобы свергнуть власть меча, власть божественного права, которые поддерживали друг друга, одного столетия было достаточно, чтобы сломить власть цифр и аргирократии (власть финансовой аристократии). В настоящее время его больше не уважают; те, кто его придерживается, даже не верят в него, пояс, который он хотел надеть на человека, трещит со всех сторон, его догмы рушатся под руками тех, кто хочет их проанализировать; в настоящее время его поддерживает только грубая сила, его окончательное падение - всего лишь вопрос секунд в хронологии эволюции человека.

Вот почему «Фигаро», как защитница привилегированных, неправа, заявляя, что личная совесть выше закона. Для сторонника законности нет, не может быть несправедливых законов! Закон священен, закон справедлив, закон мудр, потому что это закон. Желание обсуждать это - акт бунта, это начало неподчинения. Любой обсуждаемый приказ выполняется только наполовину; с того дня, когда каждый сможет обсуждать любой закон, принимать его или отвергать, ссылаясь на свои собственные представления, больше не будет приемлемых национальных законов.

Нет такого закона, который в силу того, что это закон, не ущемлял бы кого-то в его индивидуальности, его чувствах или его автономии. Это более чем акт веры - просить людей, которым он причиняет боль, соблюдать его, даже если они признают его несправедливым. Это *credo quia absurdum* (верую, ибо абсурдно) святого Августина. Слабые и робкие могут склониться перед ним, но сильные и достойные всегда откажутся смиренно подчиняться тому, что осуждает их разум.

Именно тогда человек вынужден призвать все общественные силы для обеспечения соблюдения законов, что доказывает, что мы правы, говоря, что закон – это выражение воли сильнейшего, и что статья в «Le Figaro» косвенно признает.

Примечания

[1] Название парламента Англии в 1648-1652 годах. Охвостье в смысле остаток от прежнего состава парламента, его малая часть.

[2] Закон, принятый в 1858-м году во время правления Наполеона III